

На седьмой год правления императора Шицзя-ди государственный наставник Вэй вместе со своим сыном и великим генералом Лунху Хо Цю свергли тиранию брата и сестры из рода Гу. Генерал Небесной Алебарды Янь Ху, защищая своих господ, погиб у дворцовых ворот; его кровь окрасила закатное небо в багровый цвет.

— Больше не могу, я выдохся... — прохрипел Гу Цинью.

Его некогда парадное одеяние превратилось в лохмотья. Привыкшее к роскоши тело изнемогало, он тяжело дышал, прислонившись к искривленному дереву у обочины, и его грудь судорожно вздымалась.

— Никчемный! — Гу Лихуа бросила на него презрительный взгляд и брезгливо фыркнула.

Гу Цинью вмиг вспыхнул яростью, словно дикий зверь, готовый вцепиться в каждого:

— Это ты у нас полезная! До того полезная, что человек, которого ты любила долгие годы, водил тебя за нос от начала и до конца. Если бы ты не была такой мягкотелой, разве оказались бы мы с тобой в таком положении?

— Смеешь повторить? — процедила Гу Лихуа сквозь зубы.

Она пыталась разузнать о нем, но дымовая завеса, созданная семейством Вэй, окончательно ослепила ее. Даже когда вражеские войска стояли у порога, она все еще тешила себя мечтами о том, что состарится вместе с ним.

При этой мысли на ее губах появилась горькая усмешка.

В тот момент, когда брат и сестра застыли в немом противостоянии, позади послышался приглушенный стон.

— Чего шумите... — не успел он договорить, как его раздраженный голос оборвался: прямо перед ним, словно окровавленный кусок мяса, рухнуло чье-то тело.

Ван Тао поднял меч, с которого капала алая жидкость, и направил его на Гу Цинью. На его губах заиграла злобная, холодная улыбка:

— Прошу простить, Ваше Величество!

Гу Цинью пошатнулся, кто-то с силой толкнул его на землю. Теперь острие меча было направлено на Гу Лихуа, которая не выказала ни капли страха.

Ночной ветер пронесся мимо, но даже в своих обрывках роскошных одежд Гу Лихуа сохраняла властный вид:

— Наш род Гу был к тебе добр, а ты, неблагодарная собака, предал нас!

— Разве принцесса не слышала поговорку: каждый сам за себя, а иначе — гибель?

После долгих дней бегства холодная красота принцессы лишь раззадорила Ван Тао. Он осклабился, предвкушая добычу. Взмахнув окровавленным клинком, он рассек ее верхнее платье.

Гу Лихуа презрительно усмехнулась, словно гордый павлин, взирающий на жалкого, ничтожного раба.

Ван Тао, окончательно разъяренный, бросился на нее с мечом. Но внезапно раздался звон металла — Гу Цинью, словно доблестный воин, вставший на защиту родных земель, заслонил сестру собой и пронзительно крикнул:

— Сестра, беги!

Этот крик стал последним, что Гу Лихуа услышала от брата.

Бежать, бежать, бежать!

Ее полы замелькали среди зарослей, сердце сжалось от боли. Гу Лихуа обернулась на пройденный путь, и слезы невольно покатались из глаз: теперь из рода Гу осталась только она.

Она смахнула слезы, и гнев, смешанный с ненавистью, заполнил каждую клеточку ее существа.

Сяо Ю, я обязательно отомщу за тебя! Вэй Шань, я сделаю так, чтобы ты пожалел о том, что родился на свет!

— Господин наставник, прошу, взгляните!

Ван Тао подобострастно протянул сверток из грубой ткани. Внутри находилась разлагающаяся голова — несомненно, бывшего правителя Гу Цинью.

Вэй Шань бросил на него равнодушный взгляд и произнес:

— Вы, цензор, перешли на сторону победителей. Чего же вы хотите?

— Многого не прошу, лишь вернуть мне мою должность.

— Но ваша заслуга в искуплении вины кажется неполной...

— Принцесса... несколько дней назад я подслушал разговор брата и сестры. Гу Лихуа наверняка направится в Инчжоу за поддержкой. Если вы вернете меня на службу, я клянусь доставить ее в столицу!

— Что ж, это было бы прекрасно...

Едва он договорил, в воздухе раздался глухой звук. По знаку Вэй Шаня стражники обнажили мечи, и на ступенях появилось еще одно тело.

Вэй Шань, стоявший спиной к происходящему, прикрыл глаза, скрывая пустоту в душе.

Великая принцесса Мяосюэ, Гу Лихуа, береги себя!

— Господин, у ворот яростная женщина бьет в барабан и требует аудиенции.

Уездный судья Чжан Гуаньянь, зевнув от скуки, лениво махнул рукой:

— Опять жалуется на мужа, что ходит в бордели, или на свекровь, которая ее бьет?

— Нет, господин. Она утверждает, что прибыла из Пэнлая. И говорит, что если вы ее не примете, то упустите шанс на повышение и богатство!

— О? Тогда мне тем более стоит...

Его советник, человек дальновидный, поклонился:

— Господин, эта женщина говорит весьма уверенно. Почему бы не взглянуть? Если окажется, что она лишь мелет чепуху, выгнать ее никогда не поздно.

Чжан Гуаньянь погладил черную бороду, находя этот довод разумным.

— Сестрица Фаньинь, сюда!

В цветущем саду резиденции принцессы Лян Сеюнь радостно махала руками. Весна была в самом разгаре, цветы благоухали.

Цзи Фаньинь шла легкой походкой, ее тонкая талия казалась изящной, как фарфоровая статуэтка. На губах играла едва заметная улыбка, от которой даже самые яркие цветы вокруг, казалось, меркли.

— Прошу прощения за мое опоздание.

Ее голос звучал нежно, словно пение иволги в ивовой роще. Те, кто обладал благородством, конечно, не стали бы ее упрекать. Но всегда найдется тот, чье сердце полно желчи. Женщина в ярком наряде, которая только что приказывала служанке махать веером, едко заметила:

— Девицы из семьи Цзи воспитаны в глубоких покоях, не выходя за порог, им не понять, как мучительно ждать кого-то так долго...

Цзи Фаньинь повернула голову, ее прекрасные глаза на мгновение округлились. Этот густой макияж, красное платье с зеленым поясом, обилие золотых украшений — назвать это праздничным нарядом было бы еще мягко сказано. Обычно женщины такого типа ядовиты на язык, но просты душой.

Что касается того, почему именно она стала мишенью, то, бросив взгляд на мужчину, который молча пил чай, Фаньинь все поняла.

— Моя сестрица Фаньинь всегда держит слово. Если бы не непредвиденные обстоятельства, она бы пришла вовремя, — Лян Сеюнь встала на защиту подруги, как за родную.

— О? А мне, Бай Цинь, очень интересно узнать, как именно девица Цзи собирается извиняться?

Цзи Фаньинь лишь улыбнулась, а Хун Сяо тут же подала ей букет нежно-лиловых гвоздик.

— Какие чудесные цветы, они даже красивее тех, что растут в моем саду.

Фаньинь коснулась лепестков тонкими пальцами и ослепительно улыбнулась:

— Юнь-эр, если нравятся, возьми их себе.

Не успела она договорить, как чья-то сильная рука перехватила цветы. Мужчина со сдвинутыми бровями недовольно проворчал:

— Решила проявить щедрость за чужой счет?

Смысл был ясен: ты хотя бы спросила моего разрешения?

— Юнь-эр не чужая, в конце концов, завтра я могу сходить с тобой и собрать еще.

Лян Сесяо вздохнул:

— В горах сыро и туманно, а ты слаба здоровьем...

— Просто накину лишнюю накидку.

— Лучше тебе остаться во дворце...

Их перепалка заставила Лян Сеюнь едва не захлопать в ладоши. Значит, эти гвоздики ее третий брат лично собирал в горах на рассвете и сам подарил Фаньинь? Неудивительно, что он сегодня в таком приподнятом настроении. Но когда они успели так сблизиться? Информации было слишком много, она едва могла ее переварить.

Заметив побледневшую Бай Цинь, Лян Сеюнь гордо вскинула голову:

— Если госпоже Бай здесь слишком жарко, то, прошу прощения, мы не можем вас больше задерживать.

В сердце принцессы ликовал маленький зверек: Третий брат, наконец-то ты добился своего! Неизвестно почему, глаза защипало от слез.

В этот момент евнух Лян Дицзюня передал указ: три князя и принцесса должны немедленно явиться во Дворец Долголетия для обсуждения важных дел.

Цзи Фаньинь собралась уходить, но почувствовала, как ее тонкие пальцы нежно сжали.

— Ты тоже едешь, — сказал он.

Она заколебалась:

— Пожалуй, мне не стоит... это семейное обсуждение.

Он помог ей подняться в карету и легко бросил:

— Скоро это уже не будет выглядеть неуместным.

Она замолчала. Уши ее вспыхнули, как на палящем солнце. Значит ли это, что он уже выбрал день и готовит свадебный паланкин?

Лян Сеюнь, сидевшая в той же карете, прикрыла рот рукой, скрывая смешок, и нарочно громко спросила:

— Сестрица Фаньинь, а почему ты покраснела?

Цзи Фаньинь закрыла ладонями пылающие щеки и нашла оправдание:

— В карете немного душно...

— Вот как? Тогда, может, попросить третьего брата посадить тебя на своего коня? — она уже собралась выглянуть из окна.

Фаньинь поспешно одернула ее и легонько постучала по лбу:

— Ах ты, проказница.

— Я просто шучу, — Сеюнь подмигнула ей, — но у вас с третьим братом есть общая черта: оба любите стучать меня по лбу. Как говорится, не одна семья — не войдешь в одни ворота. Верно, третья невестка?

Внутри кареты царил веселье, которое передалось и мужчине снаружи. Его лицо прояснилось, он похлопал своего коня по кличке Юэху и тихо произнес:

— Девушка, которая дала тебе имя, скоро станет твоей хозяйкой. Счастлив?

Юэху потрянул гривой и заржал, словно отвечая на его слова.

<http://bllate.org/book/25721/3075304>